

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/3

Русы и венгры на Нижнем Дунае в 943 г.

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН
Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

Русские летописи приводят разные даты второго похода Игоря на Византию. Исследователи придерживаются датировки Повести временных лет – 944 г., однако наиболее вероятной представляется 943 г., поскольку договору Игоря с греками предшествовали трудные, а значит долгие переговоры, результатом которых стало подписание соглашения Игоря с греками в 944 г. Ранее в том же 943 г. через Болгарию прошли венгры, добившиеся подтверждения договора об уплате им дани «империей ромеев». Сторонники датировки второго похода Игоря на греков 943 г. пытаются увязать его с военной акцией венгров, однако для этого нет серьёзных оснований. До 970 г. венгерские вожди не вступали в военные союзы с киевскими князьями, поскольку основным направлением их разбойных набегов было западное, а на Балканы их нашествия участились после сокрушительного поражения, понесённого ими в Германии в 955 г. Тем не менее венгры, отправляясь весной 943 г. в набег на Византию, знали о военных приготовлениях Игоря от проживавших в Закарпатье восточных славян, имевших тесные контакты с тиверцами, ставшими союзниками Игоря в его летнем походе 943 г. Для достижения своих целей венгры умело воспользовались известиями о том, что на Руси собрано более значительное войско для похода на Балканы, а Игорь – тем, что венгры до его прихода на Нижний Дунай уже посеяли страх в византийском обществе. Страх этот был связан с тем, что Болгария никак не препятствует прохождению по её территории «северных варваров».

Ключевые слова: набеги венгров на Византию, русско-византийские отношения при Игоре Старом; раннее русское летописание, хроника Георгия Амартола, восточные славяне Карпато-Дунайского бассейна.

The Rus and Hungarians on the Lower Danube in 943

M.K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
19 D. Ulianov Street, Moscow, 117292, Russia
E-mail: mi hail_yurasov@mail.ru

Abstract

Russian chronicles give different dates of Igor's second campaign against Byzantium. Researchers adhere to the dating of *The Tale of Bygone Years* (Povest' vremennykh let) – 944; however, 943 seems to be the most possible, since Igor's contract with the Greeks was preceded by difficult, and therefore long negotiations, which resulted in Igor's agreement with the Greeks in 944. Earlier in 943, the Hungarians passed through Bulgaria, having confirmed the agreement on the tribute by the "empire of the Romans." Those who support that Igor's second campaign against the Greeks should be dated 943 try to link it with the military action of the Hungarians, having no serious grounds for this. Until 970, the Hungarian leaders did not enter into military alliances with the Kievan princes, since their robber raids were directed mainly to the west, while their invasions of the Balkans became more frequent after their defeat in Germany in 955. Nevertheless, setting off in a raid on Byzantium in the spring of 943, the Hungarians learnt about Igor's military preparations from the Eastern Slavs from Transcarpathia, who had close contacts with the Tivertsy, Igor's allies in his summer campaign of 943. To achieve their goals, the Hungarians skillfully took advantage of the news that a more significant army had been assembled in Russia to march to the Balkans. In his turn, Igor benefited from the fact that the Hungarians had already sown fear in Byzantine society before his arrival on the Lower Danube, saying that Bulgaria did not prevent "northern barbarians" from passing through its territory.

Keywords: Russian raids on Byzantium, Russian-Byzantine relations under Igor the Old, early Russian chronicle, chronicle of George Hamartolos, Eastern Slavs of the Carpathian-Danube basin.

Второй поход киевского князя Игоря (912/922–945) на греков, рассказ о котором помещён в «Повести временных лет» (ПВЛ) под 6452 (944) г., продолжает вызывать дискуссии исследователей по целому ряду связанных с ним вопросов. В своё время А.А. Шахматов даже заявлял о том, что его придумали древнерусские книжники, поскольку византийские и другие зарубежные источники хранят о нём молчание. В самом же описании этого похода видны явные заимствования из

рассказа о первом походе Игоря (941 г.) или из Жития Василия Нового, использованного летописцем при написании этого рассказа. Целью сочинения статьи о втором походе Игоря, по мнению А.А. Шахматова, было объяснить появление в ПВЛ под следующим (945) годом текста договора Игоря с греками [19: 72].

Это мнение А.А. Шахматова не было поддержано исследователями, но признание реальности рассматриваемого похода требует решения ряда проблем хронологического характера, связанных с нечёткими датировками годовых статей в различных списках ПВЛ. Поскольку в достоверности договора Игоря с Византией никто не сомневается, исследователи признают в качестве *terminus ante quem* его подписания 16 декабря 944 г., когда был свергнут с престола один из упомянутых в нём византийских императоров – Роман I Лакапин. Между тем в большинстве списков ПВЛ текст этого соглашения помещён под 6453 (945) г., причём в признаваемом летописеводами наиболее достоверном варианте Лаврентьевской летописи содержатся две статьи, датированные этим годом: во второй из них повествуется о восстании древлян против Игоря и троекратной мести Ольги за его убийство. В историографии закрепились традиции датировать договор Игоря с греками 944 г., а события, связанные с убийством Игоря, – 945 г.

Если при датировке первого из двух приведённых в ПВЛ 6453 гг. летописец фактически следует ультрамартовскому стилю, а второго – мартовскому, то как быть с приведённой здесь же датой второго похода Игоря на греков? Он помещён под 6452 г., который соответствует по мартовскому стилю 944 г., а по ультрамартовскому – 943 г. При этом возможно также и использование господствовавшего в Византии сентябрьского стиля. Решить эту проблему только в рамках летописной хронологии (как научной дисциплины) не представляется возможным, поскольку в ПВЛ не просто нет единого хронологического стиля, но в древнейших, не дошедших до нас летописных памятниках, использованных создателями ПВЛ, хронология отсутствовала, а годовые даты были добавлены уже в саму «Несторову летопись»¹.

Далеко не во всех известных нам ранних исторических сочинениях с погодным изложением событий даты статей совпадают с теми, что содержатся в Лаврентьевской летописи. Если исключить «экзотическую» датировку рассматриваемого похода Игоря, содержащуюся в Новгородской Первой летописи (НПЛ), где сведения о нём помещены под 6430 (922) г. [9: 108], то самая ранняя дата этого события обнаруживается в Еллинском летописце второй редакции – 6450 (942) г. [3: 233], а Троицкая летопись помещает рассказ о нём под 6451 (943) г. [13: 73]. На это обратил внимание ещё Н.Я. Половой [12: 139], как и на то, что выявляемая в Еллинском летописце второй редакции и НПЛ

относительная хронология указывает на совершение Игорем второго похода на греков через два года после первого [3: 219; 9: 108]. Поскольку закончившееся сожжением русского флота нападение Игоря на Византию, на основании византийских источников, неоспоримо датируется 941 г., Н.Я. Половой считает, что попытка отмщения русов за эту военную неудачу имела место в 943, а не в 944 г. [12: 139–140].

Другим веским аргументом Н.Я. Полового является расчёт им времени, которое должно было понадобиться византийским и русским послам для того, чтобы не только согласовать содержание каждой статьи договора Игоря с греками, но и добиться точного соответствия текстов, написанных на греческом и русском языках. Согласно расчётам Н.Я. Полового, только на дорогу из Киева в Константинополь и обратно, которую послы прошли дважды (для полного согласования и одобрения текстов-противней договора), должно было уйти примерно восемь месяцев. Если же к этому прибавить, что Игорь не мог появиться на Нижнем Дунае раньше июня, и учесть опасности зимнего плавания и сухопутного путешествия из Киева в «Царьград», то, по мнению Н.Я. Полового, следует признать наиболее вероятным, что второй поход Игоря состоялся в 943 г., а мир русов с греками был подписан в 944 г. [12: 140–141], что соответствует датировкам Троицкой летописи [13: 73–74].

Этот сгоревший во время московского пожара 1812 г. летописный памятник был одним из главных источников при написании Н.М. Карамзиным первых томов его «Истории Государства Российского», поэтому под влиянием Троицкой летописи придворный историограф Александра I датировал второй поход Игоря на греков 943–944 г. [6: 113–114]. С.В. Цыб в своём труде, посвящённом хронологии ПВЛ, отметил, что до 6453 (945) г. датировки годовых статей целого ряда летописей, в том числе Троицкой, отстают на один год от датировок Лаврентьевской, а начиная с описания событий, приведших к убийству Игоря древлянами, – совпадают [18: 121]. Предположение Н.М. Карамзина не нашло поддержки у историков, писавших свои труды в XIX – первой половине XX в., чему в немалой степени способствовало признание Лаврентьевской летописи источником, где наиболее точно передан текст ПВЛ, а значит, верной её дату второго похода Игоря на греков – 944 г.

Сторонники более ранней датировки прихода Игоря на Нижний Дунай для отмщения грекам пытались найти новую аргументацию в тексте обнаруженной в 1950 г. Евгением Комшей в Добрудже (Румыния) у станции Мирча Вода надписи на камне, где полностью сохранились лишь датировка – 6451 г., упоминание жупана Дмитрия и слово «Гь-РьЦѣХъ», перед которым, по мнению Д.П. Богдана, стояло «СИ» [2:

93]. Трактовка первой из сохранившихся строк Добруджанской надписи разделила занимавшихся ей исследователей на две неравные части. Подавляющее их большинство, которое представляют, прежде всего, румынские и болгарские специалисты, сочли рассматриваемую надпись свидетельством о нашествии венгров на Византию, о котором пишет Продолжатель Георгия Амартола [4: 568]. Правда, среди них есть сторонники двух разных версий прочтения и перевода первой строки Добруджанской надписи: «СИ ГЬ-РЬЦѢХЪ» («против греков») или «УНГЬРЬЦѢХЪ» («венгров»)².

Ряд советских историков относили рассматриваемую надпись к свидетельствам о втором походе Игоря на греков. Об этом писали Н.Я. Половой, обосновывая свою датировку данного похода 943 г. [12: 141–142], М.Н. Тихомиров [17: 170], Б.А. Рыбаков [15: 354–355]. Последний предложил такой вариант восстановления недостающей части Добруджанской надписи, от которой сохранились только нижние кончики каждой из букв: «ДАНЬ ВЪЗАЛЪ КНЗЬ НГОРЬ» («дань взял князь Игорь»), после чего, по мнению историка, следовало: «(НА) ГЬРЬЦѢХЪ» («с греков») [15: 356]. Ситуацию, в которой была выбита на камне памятная надпись, Б.А. Рыбаков пытается воссоздать следующим образом: «Оставлять такой монументальный эпиграфический след о благоприятном исходе незавершённого похода можно было только в том случае, если население той местности, где ставили камень, было подчинено или, по крайней мере, симпатизировало киевскому князю. Возможно, что в первой половине X в. так и было. Наличие болгарской администрации (жупан Димитрий) не исключает хороших взаимоотношений с Русью» [15: 356].

Поскольку камень с Добруджанской надписью позднее был использован при возведении крепостной стены, Б.А. Рыбаков привлекает и этот факт для обоснования своей гипотезы: «Во второй половине X в. отношения испортились. Переяславцы (жителя Переяславца-на-Дунае. – М.Ю.) враждовали со Святославом Киевским, а камень с надписью 943 г. был использован для фундамента крепостной стены. Но до 943 г. отношения «островитян» с Русью были благоприятны» [15: 356]. В данном случае Б.А. Рыбаков привязывает объяснение восстанавливаемого им текста Добруджанской надписи к своей концепции о нахождении на части Добруджи т. н. «Острова русов», о котором писали арабские географы раннего Средневековья и их последователи [15: 342–358].

Предлагаемая Б.А. Рыбаковым локализация «острова русов» не нашла своих сторонников, о ней даже не упоминают при перечислении точек зрения, высказывавшихся исследователями о месте нахождения загадочного острова [5]. Точно так же поступил и автор

новейшей обзорной статьи о Добруджанской надписи И. Албу, который не внёс рассматриваемую работу Б.А. Рыбакова в приведённую им библиографию важнейших исследований этого эпиграфического памятника [21: 15–16]. К сожалению, цитированные рассуждения Б.А. Рыбакова представляются чисто умозрительными. Второй поход Игоря «на греков», разумеется, нельзя признать бесславленным, но и героическим его назвать тоже не получается: слишком легко досталось киевскому князю получение дани от византийцев, вместо отмщения за поражение и погибших в 941 г. Игорь сразу получил дань, но при этом не вступил даже на территорию Болгарии. Трудно представить себе, чтобы в связи с участием в такой военной кампании жупан Димитрий воздвиг камень с памятной надписью.

Остаётся признать, что обнаруженный в Мирча Воде эпиграфический источник возник в связи с участием названного жупана в походе венгров на «империю ромеев» в 943 г. – военной операции, без сомнения, более славной, чем намечавшееся отмщение Игоря за неудачу двухлетней давности, поскольку венгры, судя по всему, вступили на территорию Византии. Безусловно, интерпретация Б.А. Рыбакова представляется слишком смелой и ничем не аргументированной. Она никак не повлияла на дальнейшее изучение текста Добруджанской надписи. Характерно, что автор новейшей обобщающей работы об этом эпиграфическом памятнике в приложенной к ней библиографии не упомянул ни одной работы как советских, так и постсоветских исследователей (хотя русскоязычные работы в ней присутствуют), как бы подчеркнув то, что их интерпретации текста Добруджанской надписи не заслуживают серьёзного внимания [21: 15–16].

Заметный вклад в дискуссию о датировке времени второго похода Игоря на греков внёс Г.Г. Литаврин. Признавая весомость некоторых приведённых Н.Я. Половым аргументов, он категорически не согласился с расчётами, на основании которых признаётся невозможность заключения русско-византийского договора в том же году, когда Игорёво войско остановилось на Нижнем Дунае. По мнению Г.Г. Литаврина, русские послы могли отправиться в Константинополь не из Киева, как считает Н.Я. Половой, а прямо с того места, где было заключено перемирие между киевским князем и византийцами. Г.Г. Литаврин также утверждает, что путь между Киевом и Константинополем занимал «налегке» месяц, а то и меньше [7: 76]. О Добруджанской надписи Г.Г. Литаврин высказывается мимоходом, не оценивая её содержания [7: 77].

Скепсис Г.Г. Литаврина относительно обоснованности датировки второго похода Игоря на греков 943 г. способствовал окончательной

потере интереса к этой проблеме у исследователей на постсоветском пространстве в начале XXI в. В результате этого возобладала традиционная («проверенная») точка зрения, ориентирующаяся на даты годовых статей, приведённые в ПВЛ по Лаврентьевской летописи, что зафиксировано в новейшей энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире», вышедшей в 2014 г., где возможность датировки рассматриваемого события 943 г. даже не рассматривается [14]. Между тем полное игнорирование этой точки зрения вряд ли обосновано. Г.Г. Литаврин не опроверг все аргументы Н.Я. Полового, признав серьёзность многих из них, он лишь совершенно справедливо указал на преувеличенные подсчёты времени пути между Киевом и Константинополем у своего оппонента. При этом сам Г.Г. Литаврин, по моему мнению, привёл такие же крайностные расчёты, но в сторону уменьшения этого времени.

Речь ведь в данном случае идёт не о гонцах, которые действительно могли «налегке» преодолеть расстояние между двумя названными столицами менее чем за месяц, а об официальных посольствах, неспешность передвижения которых призвана была подчеркнуть их значимость. Но самое главное заключается в том, что русско-византийские переговоры перед заключением мирного соглашения 944 г. не могли быть лёгкими, а значит, короткими. Вряд ли русские и византийские послы и советники Игоря и Романа Лакапина стремились во что бы то ни стало успеть снять все накопившие между Русью и Византией противоречия и согласовать текст каждой статьи нового договора русов с греками до наступления поздней осени, когда неблагоприятная погода заметно осложняет сообщение между двумя враждовавшими государствами. Здесь речь шла, прежде всего, о сохранении престижа каждой из договаривавших сторон.

Игорь, получивший на Нижнем Дунае компенсацию за поражение от греков в 941 г., не мог не рассматривать это как проявление слабости «империи ромеев», и им (и его окружением) должно было руководить стремление закрепить достигнутый успех, добившись новых привилегий для русских в Византии помимо подтверждения обязательства об уплате греками дани. Правительство же Романа Лакапина исходило из того, что разорение Игорем византийского побережья Чёрного и Мраморного морей в 941 г. закончилось для русских сожжением их флота и бесславленным бегством остатков Игорева войска. Что же касается второго похода киевского князя, то поражения византийцы от русов не потерпели, а откупаться от наседавших с разных сторон света «варваров» уже давно стало традицией для наследницы великой Римской державы. То, что рассматриваемые переговоры явно были непростыми, подтверждает, в том числе, и

дискуссия историков по поводу того, кому был более выгоден договор 944 г. – Руси или Византии³.

При этом Игорь и его войско, скорее всего, были уверены в том, что «империя ромеев» обессилена и унижена, а значит, можно добиться от неё новых прав и привилегий для русских послов и купцов, прибывающих в Византию. Василевс же и его окружение исходили из того, что «росы» в 941 г. потерпели сокрушительное поражение, а их второе нашествие было остановлено далеко за пределами Византийской империи. В Константинополе прекрасно понимали, что получение выкупа, как правило, способствует заметному ослаблению воинского духа противника. Последнее подтверждается летописным рассказом о том, как окружение посоветовало Игорю прекратить поход и удовольствоваться предложенной греками данью.

Можно согласиться с Г.Г. Литавриным в том, что русские послы могли отправиться в Константинополь сразу же после заключения перемирия между воюющими сторонами, с Нижнего Дуная. Однако трудно поверить в то, что в течение лета – начала осени одного и того же года они провели сложные переговоры в Константинополе, вернулись в Киев с византийскими послами, где продолжилась полемика по поводу содержания некоторых статей, потом одобренные обеими сторонами поправки к варианту соглашения, выработанного в Константинополе, должен был утвердить Роман Лакапин, после чего были составлены два текста-противня договора, за чем последовали его ратификации в столицах обоих мирящихся государств. В связи с этим датировка второго похода Игоря на греков, содержащаяся в ПВЛ по Лаврентьевской летописи – 944 г., представляется крайне маловероятной, а более реальной видится датировка Троицкой и ряда других летописей – 943 г., с которой согласуется информация НПЛ о том, что Игорь отправился мстить грекам через два года после сожжения ими русского флота.

В анализируемой работе Н.Я. Полового затрагивается и вопрос о скоординированности походов Игоря и венгров на Византию. «То обстоятельство, что эти события произошли в одном и том же 943 г., может говорить о многом. Известно, что для второго похода на греков Игорь искал союзников всюду, где их можно было найти. Ему удалось нанять печенегов и варягов. Вполне также вероятно, что Игорь отправил посольства с предложением идти на греков и к венграм, всегда готовым к этому, и к болгарам. Возможно, по мысли Игоря, русское войско должно было напасть на Константинополь со стороны моря, а венгры и болгары – с севера. <...> Не потому ли Игорь велел печенегам воевать именно против болгар, а не против какого-либо другого народа, что болгары отказались от участия в

этом походе? Нам известно, что Феофан очень удачно остановил поход венгров на Константинополь. Поэтому не кроется ли здесь стремление греков расколоть «северных варваров», склонить на свою сторону венгров и в случае, если бы русский князь продолжил поход на Константинополь, двинуть их против него? Русская летопись сообщает, что греки послали дары не только Игорю, но и печенегам. По-видимому, возможность перехода не только венгров, но и печенегов на сторону греков в 943 г. была вполне реальной» [12: 145]. В примечании к приведённой цитате Н.Я. Половой прибавляет: «В пользу мысли о связи между набегом венгров на Константинополь в 943 г. и вторым походом Игоря можно привести и тот установленный В.М. Истриным факт, что в Еллинском летописце второй редакции сказание о походах Игоря совпадает с повествованием Амартола о набеге угров» [12: 145, примеч. 47].

Приведённые в цитатах рассуждения Н.Я. Полового во многих своих аспектах остаются предположениями, не опирающимися на данные источников. С одной стороны, трудно поверить в то, что венгры, если они были союзниками Игоря, появились бы на Балканах как минимум на два месяца раньше русов и, взяв дань и оставив заложников, быстро ушли, не дожидаясь прихода собранного киевским князем войска, с которым они могли подвергнуть европейские владения Византии и союзной ей Болгарии страшному разорению. С другой стороны, территориально-политическое объединение, куда входили венгерские племена и примкнувшие к ним этнические группы, не было настолько консолидированным, чтобы вести войны с такими серьёзными противниками, как Игорь. Власть верховного вождя там была в середине X в. в значительной степени номинальной, а вожди отдельных племён, даже объединяясь в коалиции, были способны лишь на дерзкие набеги, пользуясь политической слабостью и раздробленностью соседних государств. Ни ПВЛ, ни хроника Продолжателя Георгия Амартола, ни Еллинский летописец второй редакции не свидетельствуют о наличии союза между русами и венграми в 943 г. О его возможности заявляют историки лишь на основании того, что в некоторых источниках походы венгров и Игоря помещены в одной годовой статье. Не помогают в решении рассматриваемой проблемы и средневековые венгерские исторические сочинения, поскольку в них отсутствуют какие-либо сведения о балканском походе мадьяр 943 г. Предельная краткость сообщения Продолжателя Георгия Амартола об этой военной операции в сочетании с конкретностью приведённой в ней информации не дали венгерским исследователям повода для дискуссий о его содержании. К сожалению, исчерпывающего ответа на вопрос о наличии союзнических отношений между русами и

венграми в 943 г. на основе данных дошедших до нас источников дать не получится.

Возвращаясь к Добруджанской надписи, следует отметить, что после её обнаружения естественным образом возникли две гипотезы, связанные с упомянутым в ней жупаном Димитрием: 1) он присоединился к проходившим через Добруджу венграм и вернулся на родину со своей долей взятого ими выкупа (дани) [2: 94]; 2) он намеревался дойти с Игорем до Царьграда и получил за это вознаграждение из дани, выплаченной «ромеями» киевскому князю [17: 170]. Поскольку сведения о венгерском нашествии выглядят более достоверными и не нуждаются в дополнительной аргументации для датировки их 943 г., первая из приведённых гипотез представляется более соответствующей реальности. К тому же венгры, судя по всему, были остановлены на территории Византии, войско Игоря – на дунайской границе Болгарии, следовательно, венгерский поход в большей степени заслуживал увековечения памяти о нём на камне.

Что же касается состояния русско-венгерских отношений в 943 г., то никаких свидетельств о существовании союза между двумя этими «варварскими» (с точки зрения Византии) народностями до времени правления Святослава Игоревича (начало 960-х – 972) до нас не дошло. Предпосылки для этого также не обнаруживаются. Освоение венграми и примкнувшими к ним этническими группами Среднего Подунавья сопровождалось их набегами на земли Южной и Центральной Европы, юго-восточное же направление для их разбойных нападений на три десятилетия было закрыто, поскольку почти вся территория Балканского полуострова постепенно попала под власть болгарского царя Симеона (893–927). С ним «вещий» Олег должен был согласовывать свой поход на Царьград, датируемый в ПВЛ 907 г. Лишь после смерти Симеона, во время заметного ослабления Болгарии при его сыне и преемнике Петре (927–969) венгры в 934 г. совершили первый набег на «империю ромеев», да и то их побудило к этому поражение, понесённое ими в 933 г. от немецкого короля Генриха I Птицелова (919–936) близ Мерзебурга. В 934 г. венгры в союзе с печенегами вторглись в Византию и заключили с василевсом девятилетний мир с условием уплаты греками дани, и уже в 935 г. они разоряют Бургундию, откуда удаляются с такими же целями в Северную Италию. Вплоть до апреля 943 г. венгерские отряды не появлялись на Балканах, а появившись, заставили патрикия Феофана по поручению Романа Лакапина продлить соглашение с мадьярами ещё на пять лет при условии продолжения уплаты им дани. Исходя из этого можно утверждать, что никакой необходимости в заключении союза с Игорем у венгерских вождей в то время не было.

Между землями, освоенными «людьми Арпада» в Карпатской котловине, и подчинявшейся Олегу и Игорю Русской землёй «в узком значении» (будущие Киевское, Черниговское и Переяславское княжества) [8: 28–46] находились области, населённые восточными славянами – предками современных русинов, которые проживали по обе стороны от линии Карпатских хребтов [20]. Это способствовало развитию торговых и экономических связей между днепровскими русами и венграми, но никак не союзнических, поскольку у них не было общих политических интересов. Как указывалось выше, межплеменное объединение, возглавлявшееся Арпадом и его преемниками, не было консолидированным. Верховные вожди племён, занимавших окраинные территории, признавали власть потомков Арпада чисто формально, что для раннего государства выглядит вполне закономерным.

С точки зрения темы настоящей работы представляет интерес приведённый в ПВЛ перечень этнических групп, отряды которых принимали участие во втором походе Игоря на греков. В нём названы варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы и нанятые печенеги, и этот список представляется заслуживающим доверия. Для нас важно то, что здесь упомянуты тиверцы, ареал проживания которых охватывал междуречье Днестра и Прута, т. е. юго-западную окраину Русских земель. Вряд ли подлежит сомнению, что тиверцы имели тесные связи с родственными им закарпатскими группами восточного славянства, признававшими над собой власть наследников Арпада. Подготовка Игоря ко второму походу на греков и привлечение им тиверцев в качестве союзников не могли не стать известными венгерским вождям от проживавших на землях Карпатской котловины восточных славян.

Продолжатель Георгия Амартола датирует вторжение венгров на территорию Византии апрелем 943 г. [4: 568]. Как известно, весна в Среднем Подунавье наступает на один – два месяца раньше, чем в Среднем Поднепровье и в более северных областях Руси. В ПВЛ время, когда Игорь появился на Нижнем Дунае, не указано, но, как заметил ещё А.А. Куник, привлечение Игорем варягов заставляло киевского князя ждать вскрытия северных рек, по которым они прибыли в Киев, а значит, русское войско не могло появиться на Нижнем Дунае раньше июня [12: 140]. На основании информации Продолжателя Георгия Амартола можно сделать вывод о том, что посланный императором Романом Лакапином для замирения с венграми патрикий Феофан без промедления подтвердил соблюдение греками условий прежнего соглашения, заключённого после венгерского набега на Византию 934 г., и взял у венгров заложников [4: 568]. Такая уступчивость императора и его окружения могла быть вызвана, в том числе,

дошедшими до Константинополя известиями о собирании Игорем более значительного войска.

В связи с этим не исключено, что не имевшие конкретной договорённости между собой предводители русского и венгерского воинства умело использовали свои походы на Византию в 943 г. для нагнетания дополнительных страхов на жителей и правительство «империи ромеев»: венгры появились в середине весны и заставили патрикия Феофана действовать оперативно, чтобы отправить их на родину до прихода русов. Игорь же воспользовался тем, что жители европейских владений Византии были уже напуганы военной акцией венгров и слухами о том, что русское войско более многочисленное, чем венгерское. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо сведений о втором походе Игоря в византийских исторических сочинениях. Современник этих событий – Продолжатель Георгия Амартола счёл достойным упоминания в своей хронике сведений о нашествии венгров, но умолчал о походе Игоря. Это наталкивает на мысли о том, что венгры появились внезапно и уже на территории «империи ромеев», представляя непосредственную угрозу для Константинополя, в то время как русы были остановлены на северной границе Болгарии, и исходившая от них на дальнем расстоянии от византийских пределов опасность была устранена также достаточно оперативно.

Венгерский и русский походы на Византию сходны в том, что в обоих случаях «империя ромеев» избежала втягивания в боевые действия. Это дало основания А.Н. Сахарову считать, что оба рассматриваемых нашествия «северных варваров» ставили своей целью напомнить константинопольскому правительству о необходимости регулярной выплаты дани, служившей главным условием сохранения мирных отношений между ними и Византийской империей, которая должна была считаться с ними как с субъектами международного права. «Политическое признание вырвали у Византии по договорам 934 и 943 гг. угры. <...> В 943 г., в период нового нашествия угров на Византию, тот же Феофан вновь вёл с ними переговоры и заключил мирное соглашение: «...клятвы мирския створи с ними». Эти два договора, по-видимому, не равнозначны. <...> В 943 г. Феофан лишь восстановил с уграми «клятвы мирския», т. е. восстановил мирные отношения, прерванные войной. Основные же принципы этих отношений были определены в первоначальном договоре 934 г.» [16: 68]. Таким же «первоначальным» соглашением для русов был договор Олега с греками 911 г. Получилось так, что в один и тот же год два беспокойных северных соседа Византии (причём не имевшие с ней непосредственной границы) один за другим предъявили «империи ромеев» претензии ввиду её отказа соблюдать сложившуюся между

ними и Константинополем систему взаимоотношений, прежде всего, регулярно выплачивать им дань.

Н.Я. Половой в обосновании своей датировки второго похода Игоря на греков опирается также на свидетельства мусульманских авторов о набеге русов на Закавказье, совершённом в 332 г. х., т. е. между 4 сентября 943 г. и 23 августа 944 г. [12: 142–145]. По мнению Н.Я. Полового, после замирения с греками на Нижнем Дунае русское войско отправилось на восток, чтобы настроенные на совершение подвигов и получение богатой добычи воины могли обогатиться за счёт исповедовавших ислам жителей Закавказья [12: 146]. Как свидетельствует летописец, печенегов киевский князь направил после замирения с Византией разорять Болгарию [11: 23]. Казалось бы, начало 322 г. х. в сентябре 943 г. идеально вписывается в намеченную Н.Я. Половым хронологическую канву: Игорь появился на Дунае не раньше июня, для замирения с греками и принятия от них выкупа также потребовалось некоторое время, поэтому собранное Игорем войско отправилось в новый поход уже в конце лета, а в начале осени появилось в Закавказье, временно став хозяевами г. Бердаа на р. Куре.

В соответствии со своей концепцией Н.Я. Половой настаивает на том, что начало рассматриваемого похода совпадает с началом 322 г. х., т. е. датируется осенью 943 г. [12: 142]. Однако с этим категорически не согласны современные востоковеды, указывающие на то, что в повествовании Ибн Мискавайха, являющегося главным источником, описавшим события рассматриваемого похода, упоминается о смерти в Багдаде эмира Тузуна, случившейся в 945 г. [10: 101]. Это заставляет датировать начало похода русов на Бердаа концом 322 г. х., т. е. 944 г., а возвращение их остатков на родину – 945 г., т. е. уже 323 г. х. Скорее всего, эта военная акция была вызвана не замирением Игоря с Византией на Нижнем Дунае, а подписанием мирного договора Руси с греками и знаменовала собой не удовлетворение жажды подвигов оказавшегося не у дел войска, а подтверждение на деле военного союза, вновь заключенного между Русью и Византией в 944 г. На то, что походы руси на земли, населённые мусульманами, как правило, совершались в том же году или в следующем после заключения договоров киевских князей с греками, указывал ещё В.В. Бартольд [1: 831].

Внешнеполитические акции русов и венгров против Византии совершались независимо друг от друга вплоть до времени правления киевского князя Святослава Игоревича, сумевшего привлечь венгерскую военную помощь во время войны с василевсом Иоанном I Цимисхием (969–976), шедшей с 969 по 971 г. на территории Болгарии. После сокрушительного поражения, понесённого венграми в 955 г.

на Лехском поле от войска германского короля Оттона I (936–973), их разбойные нападения на западных соседей прекращаются, и они «переключаются» на разорение Балканского полуострова, пользуясь ослаблением Первого Болгарского царства. Как известно, в 967 г. византийский император Никифор II Фока (963–969) привлёк Святослава Игоревича в качестве союзника в войне с болгарами, но в 969 г. Святослав объявил войну Византии. Разгром Болгарии произошёл на фоне заметного укрепления «империи ромеев» при названных василевсах, поэтому Святославу пришлось создать антивизантийскую коалицию, куда вошли венгры, печенег и покорённые им болгары. Поэтому уверенно говорить об установлении политических отношений между Русью и Венгрией можно лишь с 969 г., а в 943 г. о них речь ещё не шла, чем и объясняется разновременность второго похода венгров и второго похода Игоря на греков в одном и том же году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О проблемах, связанных с датировками походов Игоря на греков и его договора с Византией, см.: [18: 117–120].
2. Обзор мнений см.: [21: 13–15].
3. Обзор мнений см.: [16: 212–222].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартольд В.В.* Арабские известия о руссах // Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 810–859.
2. *Дамьян П. Богдан.* Добруджанская надпись 943 года. Палеографический и лингвистический очерк // *Romanoslavica*. I. Bukureşti, 1958. С. 88–104.
3. *Истрин В.М.* Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1917. Т. XXI, кн. 2. С. 215–236.
4. *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I: Текст, исследование и словарь. Петроград: Российская государственная академическая типография, 1920.
5. *Калинина Т.М.* Остров русов // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 581.
6. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского / Отв. ред. А.Н. Сахаров. Т. I. М.: Наука, 1989.
7. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетей, 2000.
8. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерус-

ского государства. Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. III / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1950 [Репр.: М., 2000].

10. Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа и Азии // Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 99–106.

11. Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачёва; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996.

12. Половой Н.Я. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // Византийский временник. 1958. Т. XIV. С. 138–147.

13. Присёлков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002.

14. Родионов О.А. Поход Руси на Византию 944 г. // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 647–648.

15. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд. М.: Наука, 1993.

16. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М.: Мысль, 1980.

17. Тихомиров М.Н. Исторические связи Руси со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969.

18. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

19. Шахматов А.А. Повесть временных лет и её источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. С. 9–150.

20. Юрасов М.К. Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв. // *Rossica Antiqua*. 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 297–313.

21. *Albu I.* Hungarian or Greeks in the Inscription of Zupan Demetrius (943)? // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2016. С. 12–16.

REFERENCES

1. Bartold, V.V. (1963) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2(1). Moscow: Nauka. pp. 810–859.

2. Bogdan, D.P. (1958) *Dobrudzhanskaya nadpis' 943 goda*. Paleograficheskiy i lingvisticheskiy ocherk [The Inscription from Dobrudgea of the Year 943]. *Romanoslavica*. I. pp. 88–10.

3. Istrin, V.M. (1917) *Letopisnye povesnovaniya o pokhodakh russkikh knyazey na Tsar'grad* [Chronicle stories about the campaigns of Russian princes against Tsargrad]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk*. XXI(2). pp. 215–236.

4. Istrin, V.M. (1920) *Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya Mnikha*. *Khronika*

Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode ["Knigy vremennyya i obraznyya" by Georgy Mnikh. The Chronicle of George Hamartolos in ancient Slavic Russian translation]. Petrograd: Russian State Academic Printing House.

5. Kalinina, T.M. (2014) Ostrov rusov [Rus Island]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Old Rus in the Medieval World. Encyclopedia]. Moscow: Ladimir. p. 581.

6. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

7. Litavrin, G.G. (2000) *Vizantia, Bolgaria i Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria and Old Rus (9th – early 12th century)]. St. Petersburg: Aleteya.

8. Nasonov, A.N. (1951) "*Russkaya zemlya*" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. *Istoriko-geograficheskoe issledovanie* [The "Russian land" and the formation of the territory of the Old Russian state. A historical and geographical research]. Moscow: USSR AS.

9. Nasonov, A.N. & Tikhomirov, M.N. (eds) (1950) Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle of the Older and Younger Editions]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].

10. Novoseltsev, A.P. (1968) Rus' i gosudarstva Kavkaza i Asii [Russia and the States of the Caucasus and Asia]. In: Pashuto, V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Old Rus]. Moscow: Nauka. pp. 99–106.

11. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1996) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka.

12. Polovoy, N.Ya. (1958) O date vtorogo pokhoda Igorya na grekov i pokhoda russkikh na Berdaa [About the date of Igor's second campaign against the Greeks and the Russian campaign against Berdaa]. *Vizaniyskiy vremennik*. 14. pp. 138–147.

13. Priselkov, M.D. (2002) *Troitskaya letopis', Rekonstruktsiya teksta* [The Trinity Chronicle. Text reconstruction]. St. Petersburg: Nauka.

14. Rodionov, O.A. (2014) Pokhod Rusi na Vizantiyu 944 g. [The campaign of Russia against Byzantium in 944]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Old Rus in the Medieval World. Encyclopedia]. Moscow: Ladimir. pp. 647–648.

15. Rybakov, B.A. (1993) *Kievskaya Rus' i russkie kn'azhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and the Russian principalities of the 12th – 13th centuries]. Moscow: Nauka.

16. Sakharov, A.N. (1980) *Diplomatiya Drevney Rusi* [Diplomacy of Ancient Russia]. Moscow: Mysl'.

17. Tikhomirov, M.N. (1969) *Istoricheskie svyazy Rusi so slavyanskimi stranami i Vizantiyey* [Historical ties of Russia with Slavic countries and Byzantium]. Moscow: Nauka.

18. Tsyb, S.V. (2011) *Drevnerusskoe vremyaischislenie v "Povesti vremennykh let"* [The Old Russian time reckoning in "The Tale of Bygone Years"]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

19. Shakhmatov, A.A. (1940) *Povest' vremennykh let i ee istochniki* [The Tale of Bygone Years and its sources]. In: Orlov, A.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy*

literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad. pp. 9–150.

20. Yurasov, M.K. (2006) Skladyvanie russko-vengerskoy granitsy v X–XI vv. [The formation of the Russian-Hungarian border in the 10th – 11th centuries]. In: Dvornichenko, A.Yu. & Mayorov, A.V. (eds) *Rossica Antiqua*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 297–313.

21. Albu, I. (2016) Hungarian or Greeks in the Inscription of Zupan Demetrius (943)? In: Melnikova, E.A. (ed.) *Vostochnaya Europa v Drevnosti i Srednevekovye. Pismennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Writing as an element of state infrastructure]. Moscow: RAS. pp. 12–16.

Юрасов Михаил Константинович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail K. Yurasov – Institute of Russian History, Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru